

Елена Сергеева

$$F = m \cdot g$$

$$P = F/S$$

$$F_T = mg$$

Физика

Елена Сергеева

Физика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68876175

SelfPub; 2023

Аннотация

Их история была пронзительной, глубокой и сложной. Их связала общая химия и химия любви. Вот только обстоятельства смогли разлучить тех, кто верил, что будет вместе всегда. Спустя время судьба неожиданно столкнула их снова. В другом городе, в стенах другого заведения... Смогут ли они преодолеть физику притяжения, присоединившуюся к химии чувств? Или готовы простить прошлые ошибки и разобраться с новыми препятствиями?

Содержание

1 глава. 1 сентября	5
2 глава. Квест	19
3 глава. Симптомы инфаркта	29
4 глава. Галлюцинация	35
5 глава. Мазохизм	44
6 глава. Стенокардия	52
7 глава. Игнор	58
8 глава. Решение	66
9 глава. Разговор	73
10 глава. Оправдания	78
11 глава. Боль	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Елена Сергеева

Физика

Физика притяжения...

Химия любви...

Одно на двоих влечение

Окситоцин в крови.

И невозможно избавиться.

Желания взять под контроль.

И остается плавиться,

Терпеть внутривенно боль...

1 глава. 1 сентября

Размешиваю сахар в чашке и замечаю, что пальцы едва заметно подрагивают.

Это все от предвкушения.

Сегодня, 1 сентября, начинается моя ординатура. Для выпускницы Сеченовского университета, мечтающей стать хирургом, это долгожданный день, ведь теперь я буду почти врачом.

Я купила себе настоящие кроксы, модный халат и уже сплю и вижу, как получу своего первого пациента. То, что это скоро случится, уверена. Я все лето штудировала лекции и труды ведущих научных сотрудников клиники и кафедры, чтобы доказать всем, кто будет смотреть на меня свысока, что я не зря получила бюджетное место.

– Аня!

Поднимаю глаза на Елену Викторовну, жену отца, и она продолжает:

– У тебя каша скоро остынет. Хватит мечтать.

Вежливо улыбаюсь и, оставив чайную ложку, беру столовую.

– Все-таки не понимаю, почему ты остановилась на хирургии, – хмурясь, бубнит отец. – Женщина в терапии – это понятно, но женщина в хирургии...

Залипаю на каше и молчу. Все, что у меня осталось от

Матвея – только воспоминания, браслет с планетами и его мечта. Но признаваться, что я решила выбрать эту специализацию в память о человеке, который, однажды проникнув в мое сердце, там так и остался, не могу. Отец не поймет этого. Два первых месяца до начала учебы, что я провела в Москве, были, наверно, самыми страшными в его жизни, потому как я почти не ела, лежала и смотрела в потолок отсутствующим взглядом. Думаю, всю семью Ерохиных он тогда возненавидел.

Проглатываю свои мысли вместе с застрявшей в горле кашей и запиваю воспоминания чаем. Я редко позволяю им выбираться наружу, потому как они съедают меня изнутри, выжигают энергию, а мне надо жить и идти к своей цели.

– Пап, врач – существо бесполое, – выдаю одну из фраз, которыми отстаивала право поступать на кафедру хирургии.

Волнение дребезжит в моем голосе и выдает меня, но все, видимо, воспринимают его как следствие неодобрения семьи.

– Зачем тебе это надо? – не унимается он. – Ты понимаешь, что у тебя с такой работой не будет семьи?!

Опять молчу. Заявить, что я ее и не планирую, кажется жестоким, и я пытаюсь выкрутиться, используя еще одну фразу из основных своих защитных тезисов:

– Эта профессия действительно требует большой самоотдачи и колоссального количества времени, но есть же женщины-хирурги, у которых получается все совмещать.

Отец совсем меняется в лице, он явно не одобряет подобных особ. Для него жена должна находиться дома и заниматься домашним хозяйством, и я, похоже, стану его разочарованием.

Оставляю кашу и, снова отпивая чай, гипнотизирую темную поверхность с плавающими бликами, поскольку не хочу смотреть ни на кого из присутствующих и выдать свое смятение. Тем более мысли все больше утягивают меня в бездну прошлого.

Матвей...

Парень, с которым хотела разделить свою жизнь, но судьба распорядилась иначе.

Самый красивый, сильный, умный, целеустремленный. Самый-самый!

Как я любила, когда он делился своими мыслями и планами на будущее, как мне нравилось слушать его рассказы о космосе, о науке, да просто наслаждаться тембром завораживающего голоса.

Матвей...

Мой рыцарь, который спасал меня, сражался с моими страхами. Который дал мне чувство защищенности, нужности, уникальности, подарил самые восхитительные моменты в жизни...

Наши марафоны поцелуев посреди подготовки к экзаменам... Я как сейчас помню все темы, что учили тогда. Это незабываемо. Именно благодаря ему я набрала высокие бал-

лы и поступила в престижный вуз на бюджет.

А наша единственная, но самая незабываемая ночь любви, которая убедила, что близость с желанным мужчиной – это волшебство...

– Аня, – влетая в мои мысли, как ураган, впечатывается в меня младший брат и, не спрашивая разрешения, устраивается на моих коленях.

Треплю его чуб, а мальчик обвивает своими руками меня за шею.

– А ты правда теперь врач?

Улыбаюсь.

– Не совсем, но буду работать в больнице и учиться делать операции у самых настоящих и самых лучших врачей!

Он кривится.

– Операции – это когда режут кишки всякие.

– Не совсем.

Елена Викторовна стягивает его с меня с уговорами:

– Наиль, Анисе пора уходить, не мешай.

Поднимаюсь, бросаю «спасибо» и иду в комнату под причитание женщины «совсем ничего не поела».

Сумка у меня собрана, халат поглажен и сложен вместе с остальными вещами. Осталось только одеться.

Открываю шкаф и слышу сердитое:

– Не могла одежду заранее приготовить и не будить?!

– А ты в школу не собираешься?

– Мне позже.

Мрачною. Дана единственная в семье отца, кто не приняла меня, когда потерянную и несчастную он привел в свой дом. Сестре пришлось делиться комнатой, вниманием родителей, а делиться она совсем не любит.

Выбегаю на улицу и ежусь. Дождь.

Ну как так, что ни первое сентября, так город плачет, а я, растяпа, без зонта.

Не возвращаться же, плохая примета.

А помимо этого, мокрое погодное явление всегда уводит мои мысли туда, куда не стоит. Дождь, мы возле цветущей будки, волшебные поцелуи Матвея...

Все! Стоп!

Сегодня важный день, и мне надо быть не сентиментальной размазней, а собранным, уверенным в себе и своих знаниях ординатором.

Так не вовремя дребезжит телефон, но я вытаскиваю его, пытаюсь продолжить передвигаться от козырька к козырьку, чтобы меньше промокнуть.

– Привет, любимка.

Улыбаюсь.

– Привет.

– Ты где?

– Мелкими перебежками пытаюсь добраться до остановки.

– Понятно. Мне до нее минут пять. Жди.

– Слушаюсь, – насмешливо отвечаю и продолжаю свой забег.

Черный BMW тормозит у остановки, и я под завистливые взгляды еще недавних товарищей по несчастью исчезаю в салоне.

– Красотка! – отвешивает комплимент парень и выруливает в соседний ряд.

Смущаюсь.

– Скажешь тоже, – вот не умею я достойно принимать комплименты. Наверно, с недолюбленными детьми всегда так, кажется, не заслуживаю.

Смотрю на загорелое лицо своего водителя и констатирую: красивый.

Вот почему мое глупое сердце никак на него не отреагировало?!

Хотя, думаю, и правильно. Ничего серьезного, даже если бы я поддалась обаянию и решилась с ним попробовать, у нас не вышло. Макс, как блудный кот, шляется от одной кошечке к другой, а мне такой вариант не подходит. Да и вообще у меня не складывается с сексом. Кому сказать – засмеют, но в свои двадцать четыре у меня был всего один сексуальный опыт.

«Зато какой!» – кричит внутренний голос.

Это да. Может потому, что так высоко была задрана планка, я не смогла отдаться понравившемуся парню, с которым на третьем курсе решила попробовать построить отношения.

Секс на свидании в туалете...

Ну нет! Лучше вообще ничего, чем подобное.

Да и второй раз с другим претендентом, пусть и зашло дальше, но я зажалась, как девственница, которую собрались взять силой, и мы обоюднo решили, что ничего хорошего у нас не получится.

Видимо, Матвей был тем волшебником, который мог расположить мой организм к сексу или просто степень любви и доверия была такой, что я ничего не боялась и хотела его априори.

Где-то читала, что мужчину и женщину можно сравнить с огнем и водой. Сначала женщина разжигает огонь мужчины, затем мужчине нужно нагреть ее воду своим огнем. Но если разжечь огонь здорового мужчины обычно не составляет труда, то разогреть воду женщины, чтобы она закипала, не каждому под силу.

– Оброс так! – произношу я, возвращаясь в действительность.

Парень лохматит волосы и заявляет:

– Это в тренде сейчас, детка. Все медсестры будут моими. Смеюсь.

Стою в толпе возле кафедры хирургии и слушаю, как наши мальчишки, не стесняясь меня, хвастаются своими летними победами.

Так повелось, что девочкам не особо нравилась такая за-

нуда, как я, безвылазно сидящая за учебниками, и Макс с третьего курса, чтобы я совсем не одичала, водил меня с собой, как собачонку на поводке в компании себе подобных и очень скоро я слилась с массой и воспринималась не как девочка, а как кореш, который, ко всему прочему, всегда готов помочь по любому учебному вопросу.

– Минуточку внимания! – звучит голос профессора, вышедшего к нам, и все замолкают и устремляют на него взгляды. – Сейчас оглашу распределение по наставникам.

Он начинает зачитывать список, и я слышу свою фамилию в числе еще трех и запоминаю имя руководителя: Лешин.

– Борис Аркадьич, – звучит друг, едва мужчина замолкает. – А можно произвести жизненно необходимую ротацию?

Профессор поворачивается к нему.

– У вас обязательно она будет. Смена руководителей предусмотрена, и вы сможете поработать с тремя-четырьмя наставниками, чтобы получить большее представление о профессии.

– Да, конечно, это круто, но мне просто необходимо быть прикрепленным к одному врачу с Алабиной.

Профессор молчит, видимо, ожидая пояснения, и Макса несет:

– Она же девочка, я помогать буду и все такое... Сами понимаете. Джентльмен.

Он растягивает губы в улыбке хорошего парня, а я готова убить его прямо сейчас, но терплю, поскольку Борис Арка-

дьевич поворачивается и смотрит на меня через стекла своих очков, как на какое-то недоразумение, случайно попавшее в их элитный легион.

Держу взгляд. Я готова отстаивать свое решение. Только пусть что-то попробуют сказать, что я не подхожу по гендерному признаку. Я экзамены сдала лучших многих парней нашего потока.

– Подумайте, милочка, пока не поздно, о переводе.

Сжимаю губы и упрямо мотаю головой.

– Женщина-хирург – как морская свинка, – вздыхая, выдает он и приглаживает свои седые волосы, а из меня вылетает растерянное:

– Что?

Мужчина ловит мой взгляд.

– Вы не знаете, что общего между морской свинкой и женщиной-хирургом?

– Нет.

– Как морская свинка не имеет отношения ни к морю, ни к свинье, так и женщина хирург не имеет отношения ни к хирургии, ни к женщине.

Пока прожевываю обидное сравнение, профессор опять утыкает взгляд в листочек.

– Никитин готов поменяться?

Все молчат и переглядываются, услышав незнакомую фамилию.

– Тимофеев?

– Я, – раздается из толпы.

– Согласен?

Парень пожимает плечами, а Макс салютует ему руками: «красавчик».

– Все. Все отправляются на базу.

Блуждаю в коридоре напротив поста и жду, когда освободится наш наставник и подойдет знакомиться.

Парни треплются, а я пытаюсь справиться с волнением. Им то, что они, априори понравятся, а я должна произвести хорошее первое впечатление.

Замечаю вышедшего из палаты огромного мужчину в голубом хирургическом костюме и прирастаю к полу.

Что я там говорила о первом впечатлении?

На меня оно уже подействовало: боюсь.

Громила останавливается возле нашей группы, и даже мальчишки, завидев его, умолкают.

– Меня зовут Лешин Алексей Леонидович. Я заведующий хирургическим отделением и ваш руководитель.

Его сканирующий взгляд проходится от Макса к Андрею и застывает на мне.

Выпрямляюсь, чтобы казаться выше, расправляю плечи. Первый шок прошел, и я снова готова бороться за свое место под солнцем.

– Алабина Аня... Аниса...

Хмурится.

– Аминовна, – добавляю я, не зная, что он еще от меня

ждет. Анамнез моих знаний или личных качеств?! Мужчина скептически приподнимает бровь.

«Ну что, произвела?!» – злюсь на себя, хотя не понимаю, в чем конкретно облажалась.

– Вы в курсе, что хирургия – это неженское дело? – наконец выдает громила, давя меня тяжелым взглядом.

– Не согласна! – вздергивая подбородок, заявляю я и не отвожу глаз.

Что это – мужской шовинизм или проверка на профпригодность? Всем известно, что нерешительному, сомневающемуся и неуверенному человеку в эту профессию лучше не идти.

– Вы же не можете отрицать, что мужчины и женщины разные?! – уточняет руководитель, который, похоже, не хочет быть им.

– Но физиологическая разница не имеет никакого значения в хирургии. Сегодня хирургия – это роботы, сложные аппараты и совершенно другие подходы. Не нужны горы мышц, а выносливость – в этом женщины порой могут дать фору мужчинам и еще привнести аккуратность, точность, пунктуальность.

– Это ненормированная работа, которая никак не сочетается с социальной ролью женщины: матери, жены, хранительницы домашнего очага, – жестко парирует мужчина.

Еще один папа!

– Через какое-то время в вас разыграют гормоны, вы все

бросите, потому что семья, дети, декрет, бесконечные больничные по уходу за ребенком. А сейчас вы планируете занять чье-то место, без толку украсть мое время. Для чего? Подумайте!

– Мне не о чем думать. Я хочу быть хирургом. Я не собираюсь заводить семью. Я умею отвечать за свои поступки.

Снова смотрим, не мигая, в глаза друг друга. Мы словно состязаемся, кто кого. Но у девочки, выросшей на улице и привыкшей постоять за себя, у девушки с вырванным сердцем выработался бойцовский дух, даже несмотря на то, что она может иногда дать слабину и выплакать эмоции.

– Ладно, покажешь, как умеешь отвечать за свои поступки, – произносит он, словно делая одолжение, и я выдыхаю, ощущая, что сейчас совершила первую, маленькую, но победу.

Алексей Леонидович оборачивается к парням и взглядом показывает, что слушает их.

Макс просто называет себя и «отскакивает».

Доходит очередь до самого чокнутого индивида в нашей группе.

Парень, слизывая с меня, вскидывает голову и представляется:

– Гавриков Андрей Геннадьевич. Красный диплом.

Мужчина кривит губы и холодно выдает:

– Запихните свое тщеславие куда подальше и забудьте о цвете диплома.

Максим давится улыбкой.

– Это всех касается, – строго одергивает громила. – Вы хоть и не студенты, но по-прежнему находитесь в вузе со статусом «обучающийся» и до получения звания врача должны впахивать два года и доказать на экзамене, что этого достойны. На данный момент вдолбите в свои головы: вы не хрена не знаете и не умеете, и даже не мечтайте убивать людей на моем отделении! Я запрещаю озвучивать самостоятельно установленный диагноз пациентам или назначать лечение, так как уровень ваших знаний не предполагает ответственности за проделанные действия.

Еще раз посмотрев на нас, как на отстой, он рявкает:

– Все всем ясно?

Мы дружно киваем, а наш руководитель направляется по коридору дальше.

Макс отмирает первый.

– Леший.

Переглядываемся с Андреем.

– Человекообразное существо, – произносит парень, словно это все объясняет, и добавляет: – Ничего не сказать. «Повезло».

– Ага, мог бы сейчас быть в другой группе, с более адекватным наставником.

– Любимка, но как я без тебя?

Мои брови взлетают вверх.

– А мне казалось, все наоборот. Это я девочка, которой

надо помогать и все такое!

Смеется.

– Анята, тебе не идет быть язвой.

Отмахиваюсь и думаю:

«Все гениальные люди с придурью. Прорвемся!»»

2 глава. Квест

Въезжаю в Гатчину и чувствую, как сердце сжимается в груди.

Сколько я тут не был?

Шесть лет точно.

Замечаю новые вывески, почти построенное здание на проспекте и стараюсь не вспоминать, что рядом в стекляшке расположен ресторан «Токио», в котором мы отмечали с Аней сданный тест по химии, а в скверике Ленина, спасаясь от жары под кронами, ели мороженое, а в парке...

Сглатываю мешающий ком в горле и моргаю, пытаюсь прогнать собравшиеся слезы. Мне до сих пор больно от ее предательства.

Прошло столько времени, но, если возвращаюсь к этому событию, или что-то напоминает о ней, все нутро режет, рвется, выворачивает, и легче сдохнуть, чем пережить этот приступ.

Останавливаю машину у «Вимоса», желая немного прийти в себя.

Закрываю глаза и снова проваливаюсь в прошлое.

Больница, сотрясение, но главное – неотпускающее волнение: что с ней?

Воспоминания размазаны, но я отчетливо помню, что пришел Егор, а Аня спала... или только проснулась...

Ее отсутствие, добавляющее накала напряжению, а потом слова матери, как новый удар по моей и так тяжелой голове: «Аня уехала».

Едва выйдя из больницы, я чуть не прибил Егора, добиваясь признания, что он с ней сделал, но отец вступился и уверил: увез его, а девушка уехала на такси.

Я восстановил симку, узнал ее номер и бесконечно звонил. Только телефон был все время выключен или находился вне зоны действия сети.

Я встречался с Майей и «пытал» ее, но одноклассница сама была в шоке от исчезновения подруги.

Как долбаный сталкер, день за днем возвращался к нашей будке и ждал девушку, но она не появилась.

Я страдал, метался, пытаюсь ее найти, и мать решила добить меня, заявив, что Алабины взяли деньги, чтобы исчезнуть навсегда, и показала расписку, подписанную ее матерью.

Я не поверил.

Это просто не укладывалось в моей голове.

Но когда эмоции слегка улеглись, то попытался беспристрастно разложить факты.

Если бы Аню увезли насильно (этого сценария развития событий я придерживался большего всего), она должна была бы вернуться или как-то связаться со мной.

Через неделю, через две.

Девушка обязательно что-то придумала бы, а поскольку

спустя месяц я не получил от нее никакого известия, пришлось поверить и смириться, что та, ради которой я был готов рыть землю и покорять горы, променяла меня на благополучие.

Трусливо сбежала, даже побоявшись все сказать в глаза. Предала.

Вздыхаю, вспоминая, как весь август подыхал в берлоге и питался кефиром да йогуртом, поскольку другую пищу не мог в себя впихнуть и только начало учебного года и желание добиться своей цели: стать одним из лучших хирургов России, подняла меня на ноги.

Я вгрызался в учебники, не пропускал ни одной лекции, и однокурсники косились на меня, явно за глаза называя «ботан». Но мне всегда было фиолетово на чужое мнение.

Только на третьем курсе я стал более-менее оживать и иногда вылезать на свет божий из каморки общежития...

Открываю глаза. Тру их ладонями.

Все. Хватит вспоминать.

Прошное делает меня слабым, а мне надо быть сильным и целеустремленным.

Подъезжаю к дому, знакомому до мелочей, и принципиально оставляю машину на дороге, а не заезжаю во двор.

С тех пор, как Егор ударил или толкнул меня, и я провел в больнице две недели, а мать подло замаяла произошедшее, не дав разобраться; с тех пор, как узнал, что Ольга Константиновна дала моей любимой девушке денег, чтобы та уехала;

с тех пор, как женщина, родившая меня, подтвердила, что Евгений Ерохин не является моим биологическим отцом, я больше здесь не жил. Собрал сумку и не появлялся, несмотря на слезы и мольбы матери.

Собственно, и ее существование встало для меня под сомнение. Она воткнула нож в спину, когда я был не в состоянии обороняться.

Простить предательство я не смог.

После того, как немного пришел в себя, стал искать своего биологического отца. Не потому, что глупо надеялся, что в нем проснутся отцовские чувства, а для себя. Хотел знать, чья кровь течет во мне.

По тем немногим сведениям, что дала мне мать, через полгода я выяснил, что он мертв, а еще выяснил, что у меня есть еще один сводный брат – Илья.

Он оказался намного старше, официально находился в браке и имел дочку.

Я не хотел навязываться ему, поскольку по факту мужчина был мне чужим человеком, но брат не только сам нашел меня и стал периодически скрашивать мое существование, но и кардинально изменил жизнь.

Илья перевел на мой счет колоссальную сумму, а когда я гордо заявил, что ни в чем не нуждаюсь и ничего не возьму, поставил перед фактом, что это моя часть наследства нашего беспутного отца и мне придется поделиться, если объявится кто-то еще.

Я смог позволить себе квартиру, а не шконку в общежитии.

Остальное положил в банк под проценты, на которые и жил.

Набираю в легкие воздуха.

Знаю, мне предстоит неприятная встреча и возможно не одна. Егор по-прежнему живет с родителями, и я запросто могу на него наткнуться, но у меня нет выбора. Мне нужны все оригиналы моих документов.

Знакомые ступеньки, дверь, как всегда, открыта...

Вхожу внутрь. Ничего не изменилось.

Я словно вернулся в прошлое и только пришел из школы...

Иллюзия.

Услышав шум, из комнаты выглядывает мать и, увидев меня, застывает на месте.

– Матвеюшка.

Смотрю на нее холодным взглядом. Постарела. Но не позволяю эмоциям проникнуть в себя. Я в броне.

Она отмирает и начинает причитать:

– Ты голодный? Хочешь, я пирог как раз испекла. Как чувствовала.

– Нет. Я не надолго. Мне надо забрать документы.

Отвожу взгляд в сторону. Не хочу на нее смотреть.

– Переночуешь у нас?

– Нет. Вечером лечу в Москву.

– Да, я помню. Карина рассказала.

Разговор не клеится, и я не собираюсь его вытягивать. Наверно, я плохой сын, но не могу простить предательства. Даже сейчас.

– Я пойду.

Указываю глазами на лестницу и взлетаю по ней на второй этаж.

Моя комната – еще больший квест для моего душевного состояния.

Пусть Аня была в ней всего однажды, но кресло, на котором мы сидели, сразу попадает на глаза и воспроизводит картину из прошлого, а еще этот ее заяц...

Я почти явственно слышу голос девушки:

«Давай поменяемся. Моя зайка будет с тобой и станет напоминать обо мне».

Черт, мне и без зайки многое что о ней напоминает.

Тру ладонью глаза. Набираю в легкие воздуха.

Все, хорош нюни распускать!

Давно пора все забыть. Как говорила мама, пытаюсь образумить меня: «Первая любовь никогда не остается на всю жизнь!»

Девочка расставила свои приоритеты.

Не совпали.

Утри сопли и рой землю дальше. До твоей цели не так и далеко.

Открываю ящик и пересматриваю документы.

– Матвей?! Ты правда здесь?!

В комнату влетает ураган по имени Карина, и губы разъезжаются в улыбке. Моя взбалмошная красавица сестра всегда ее вызывает. От тепла, что она источает, можно согреться. И я согреваюсь в те дни, когда мы пересекаемся в Питере или когда переписываемся в Телеграм.

Ее, конечно, надо всегда одергивать, чтобы ее широкая натура, начиная кормить птичек в парке, не скормила все батоны в ближайшем магазине, а вытряхивая из кошелька мелочь для нищих, бедолага в итоге не оставляла все свои выданные на карманные расходы деньги.

Карина очень выросла, хотя на современную девятнадцатилетнюю девушку не тянет – дитя дитем.

Правда, красивое дитя, и я все время вдальбливаю в ее голову, чтобы не верила всем подряд. Боюсь, чтобы кто-нибудь не обидел.

Карина висит на моей шее, и я обнимаю ее худенькое тельце.

– Я подумала, у меня галлюцинация, когда из окна твою машину увидела.

– Нет. Мне нужно забрать все свои документы.

– Ты точно-точно решил уехать? – трогательно спрашивает она, забавно сдвигая брови домиком.

– Точно-точно, – передразниваю ее, стараясь скрыть грусть в голосе. Расставаться с ней не хочется.

Девушка кривит губы.

– Кафедра факультетской хирургии Первого МГМУ им. И.М. Сеченова является старейшей хирургической школой России, – вычурно произношу въевшуюся в голову фразу.

– Но там не будет меня...

Да, это самый большой минус моего переезда.

– Видеосвязь в мессенджерах никто не отменял.

– Ну, это не то. А пощупать тебя, – смеется она, пытаюсь спрятать слезы, стоящие в глазах и тыкая мне в пресс пальцем.

– Я буду приезжать и покупать билеты тебе, чтобы ты ко мне ездила.

Кивает и всматривается в меня.

– У тебя все хорошо?

– У меня все норм.

– Что такое твое норм?! Бывает хорошо или плохо! – поучает меня мелкая, и я выдаю правду:

– Малышка, это значит, что твой брат скорее жив, чем мертв.

– Ты по-прежнему...

– Стоп.

Не хочу говорить на запретную тему. Поездка в Гатчину и так выбила почву из-под ног.

Карина замолкает, и я усаживаю ее в кресло, и мы болтаем еще полчаса о всякой ерунде, просто желая побыть вместе, а потом сестра спускается проводить меня.

Мать подходит и снова заглядывает в глаза. Смотрю от-

крыто, но холодно. Да, я сволочь, но я не готов, получив по одной щеке, подставить ей другую.

Поднимаю руку в прощальном жесте и направляюсь к двери под Каринино «пока, бро» и материно «береги себя, сынок».

Сажусь рядом с чемоданом и смотрю перед собой в пустоту.

Да, поездка в город детства выбила почву под ногами. Но это временно. Завтра будет легче. Послезавтра вообще забуду.

Да ну?!

Ладно, не забуду, но стану воспринимать как вялотекущую запущенную болезнь, от которой нет лекарства и с которой надо просто смириться.

– Ты такой грустный сегодня.

Поднимаю глаза на вошедшую Лану.

– Не люблю ездить... – язык не поворачивается сказать ни домой, ни к родителям и я выдаю: – В Гатчину.

– Но это же твой родной город.

– Что ты хотела?

Девушка садится мне на колени и обвивает руками шею.

– Ты еще не уехал, а я соскучилась.

Она наклоняется и целует, провоцируя, но мне сейчас совсем не до секса.

Аккуратно приподнимаю ее с себя.

– Прости, я сегодня такой загруженный.

Лана улыбается и смотрит с любовью. А я не могу ее отзеркалить, лишь эгоистично принимаю, чтобы жить дальше.

– Неужели нельзя позвонить и договориться, чтобы ты приехал на неделю позже вместе со мной? – спрашивает она, уже стоя в дверях.

– Учеба начинается первого сентября, я и так приду только второго.

Девушка вздыхает и заводит свою песню:

– Чем тебе не угодил Питер?!

– Проходить ординатуру в старейшей хирургической школе России – это удача.

– Ладно. Как все утрясешь с жильем, напиши. Я как раз отработаю свои последние дни, – бросает девушка и шутливо добавляет. – Если из-за тебя я не найду в Москве подобную работу, то тебе, Никитин, придется меня содержать!

Растягиваю губы.

– Это вообще мужская обязанность – содержать девушку.

Она отправляет мне одну из своих солнечных улыбок и, поправляя белокурые локоны, уходит, оставляя меня наедине с моей болью.

3 глава. Симптомы инфаркта

До Пироговской улицы добираюсь на такси и, рассматривая светлое здание больницы, останавливаюсь в раздумьях.

Практически все студенты моего потока понимали, что после окончания учебы им нужно будет поступать в ординатуру. Мало кто планировал работать участковым терапевтом или педиатром. Однако не все осознавали, как важно выбрать правильное место ее прохождения, чтобы закрепить полученные теоретические знания на практике и за два года стать настоящим врачом, который может найти проблему и решить ее и тем самым помочь человеку и даже спасти его.

Я выбрал эту кафедру хирургии, поскольку здесь, по сравнению с другими, теоретической подготовке уделяют больше внимания. А я дотошный. Мне важно все понимать головой, а не просто работать руками. Да и вообще, наука – это способ развиваться, не дать себе заискнуть.

Ступеньки, холл, лифт...

Сердце колотится слегка быстрее нормы в предвкушении.

Первая встреча очень важна, и я хочу произвести впечатление, расположить, а потом, проявив себя как надежный и порядочный человек, добиться, чтобы ко мне относились соответственно: объясняли, учили, давали попробовать сделать самостоятельно...

Металлические створки открываются, и я, вместо того,

чтобы выйти, возрастаю в пол и, не веря в реальность происходящего, плююсь на девушку в белом халате, стоящую напротив и сосредоточенно изучающую карту.

Забываю, с какой целью сюда приехал...

Да я, черт возьми, имя свое забываю!

Стою, как идиот, загораживая проход, и таращусь на красивое сосредоточенное лицо, зачем-то пытаюсь экстренно соотнести с тем образом, что сохранила память.

Она поднимает глаза, и мы пару секунд замираем во взглядах друг друга.

Сердце, как подышающая машина, начинает отчаянно качать кровь и, не желая умирать, бьется в ребра и пытается вырваться наружу.

Улавливаю сдавливающие жгучие ощущения, головокружение...

«Симптомы инфаркта», – констатирует мозг.

Но я вообще не уверен, что еще жив.

– Молодой человек, вы выходите? – слышу раздраженный голос позади себя и на автопилоте покидаю железный ящик и ровняюсь с ней. Вот только Аню подталкивает подбежавшая медсестра, и та входит в лифт и уезжает.

Стираю проступившие капельки пота со лба.

Галлюцинация?

Это никак не может быть правдой!

Она в Москве? Работает в этой больнице?!

Не могу успокоить ни сердцебиение, ни мысли, снующие в

голове, а на языке крутится всего одно слово: «невероятно».

Выстреливает идея найти лестницу и броситься, как влюбленный сталкер за ней...

Но куда?

В больнице одиннадцать этажей.

Все еще в состоянии аффекта начинаю двигаться по коридору и замечаю какого-то придурка, самовлюбленно разговаривающего с телефоном.

– Чуваки и телочки, приветики! С вами снова я, самый продвинутый врач Максимус Козловскиус и это прямое включение из одной из самых крутых московских клиник, – слышу его и понимаю: парень снимает ролик.

Ощупываю его взглядом и ставлю диагноз: до врача этот хлыщ недотягивает. Скорее всего, тоже ординатор, напяливший на голову не медицинскую шапочку, а коронку. Похоже: он из тех придурков, что, едва сдав первичную аккредитацию, тут же заводят блог «врача» в Инстаграм и дают людям ценные советы, хотя не имеют на это права, поскольку по изучаемой специальности ни диплома, ни сертификата еще нет.

– Здорово, комик. Как Лешина найти?

Он отрывается от экрана и, спрятав свою идиотскую улыбку, осматривает меня.

– А ты кто такой?

– Ответишь или не знаешь? – подкалываю я.

– Кабинет в конце коридора с табличкой, – бросает над-

менно и вставляет вопрос, скопировав мою интонацию: – Найдешь или проводить?

– Найду.

Направляюсь в указанную сторону и, отыскав нужную дверь с табличкой, стучусь и вхожу. Натыкаюсь на взгляд огромного мужика, что едва помещается за столом, и здороваюсь.

– Почему вчера не было? – спрашивает, кивнув в качестве приветствия, видимо, догадавшись, кто я и без озвученной мной фамилии.

– С документами для перевода возникли проблемы.

– Надеюсь, это единственные проблемы, которые у вас возникнут.

Я тоже на это надеюсь. Особенно после встречи, которая снесла мне благоразумие и стерла из памяти, что эта девушка бросила меня.

Лешин начинает распинаться, что я еще полный ноль, читать инструкцию, что сам никакого права пока не имею ничего делать без его ведома.

Слушаю, киваю, но сам нахожусь не с ним в кабинете, а в коридоре, где пару минут назад встретил ее.

– Вы со мной?

Снова киваю, пытаюсь сбросить наваждение.

Жесть.

Не хватает еще спустить к чертовой матери первое впечатление.

Или я это уже сделал?

Не думай о ней! Она однажды чуть не разрушила твою жизнь.

Не получается.

Пытаюсь уговорить себя.

Я приехал сюда не крутить романы. И у меня есть девушка.

– Да, конечно.

По взгляду врача понимаю: он не слишком мне поверил.

– Вас рекомендовали как лучшего из лучших, – произносит мужчина и добавляет скептически. – Поглядим, на что вы способны.

Смотрю ему прямо в глаза. Хвалиться не собираюсь, но показать, на что способен, и взять все, что мне могут дать, намерен.

– Задача на сегодня: вести дневники пациентов пятой палаты, записать Абрамкина и Федосеева на анализы.

Мое эго хочет взбунтоваться и заявить, что я приехал сюда не фиксировать время каждого события из повседневной жизни и самочувствие пациентов, но я подавляю эмоции и выталкиваю из себя:

– Хорошо.

Выхожу в коридор и направляюсь в поисках нужной двери, то и дело оглядываясь и крутя головой по сторонам.

И это тот, у которого есть девушка?!

Позор.

Я просто хочу еще раз увидеть Аню и убедиться, что это была не галлюцинация.

Едва прохожу пару метров, как на встречу из-за угла вылетает она и, увидев меня, останавливается.

Мы примагничиваемся взглядами, и я опять неуправляемое и не поддающееся контролю существо и только голос Лешина возвращает мозги на место:

– Никитин, документы забыли.

Девушка отводит глаза и мигом исчезает в ординаторской, а я возвращаюсь в кабинет врача, осознавая: Аня работает на этом отделении.

Может, как и я, ординатор?

Ничего не скажешь, совпадение.

И что теперь делать?

4 глава. Галлюцинация

Рабочий день начинается в восемь утра, но я, боясь опоздать, приезжаю заблаговременно. Никого из наших нет, и приходится общаться с приставучим ординатором, прикрепленным в другому наставнику.

Через двадцать минут начинается пятиминутка. Медсестры передают дежурство по отделению.

Внимательно слушаю, как чувствовали себя пациенты Лешина вечером и ночью, чтобы быть готовой отчитаться перед руководителем, в то время как Макс беспечно заигрывает со стоящей в стороне процедурной медсестрой, пришедшей погреть уши.

Едва все расходятся, друг оставляет свою голубоглазую подружку и подходит ко мне.

– Аниса Аминовна, как вы смотрите на то, чтобы перед началом трудового дня пойти хлопнуть по стаканчику крепкого?

Увидев, как увеличились мои глаза, парень смеется.

– Ань, ты меня как будто первый день знаешь! Пойдем кофейку тяпнем.

Не успеваю ответить, как мое тело, подталкиваемое Максимом, перемещается в сторону выхода.

Проходим всего пару метров, и нам навстречу вылетает Лешин. Бросив свой сканирующий взгляд, задерживается на

наших переплетенных пальцах и возвращается к моему лицу.

– За мной, сладкая парочка, – бросает он и, наконец, отводит свой многозначительный взгляд.

Краснею, выдергиваю пальцы и, злясь на обстоятельства, лечу вслед за наставником.

Возле кабинета, придерживая стену, стоит Гавриков, и мы троим входим в открывшиеся владения за хозяином.

Построившись в шеренгу, слушаем утреннее «приветствие» и получаем задание на день, которое вызывает разочарование. Вести дневники могут даже сами пациенты, если они ответственные и поняли, что от них требуется. Обидно, что, отучась шесть лет и успешно сдав первичную аккредитацию, на большее не гожусь.

Собираемся ретироваться, но нас останавливает неожиданный вопрос:

– Как состояние Гаврилова?

Парня тупят. Макс был поглощен голубыми глазками хорошенькой медсестры и не слушал, а мистер красный диплом опоздал. Понимая: надо спасти ситуацию, начинаю выдавать озвученную медсестрами информацию.

Лешин слушает, разглядывает и тем самым сбивает меня с мысли, но я стараюсь абстрагироваться и не поддаваться на провокацию.

Когда я закрываю рот, он задумчиво произносит:

– Аккуратность, точность, пунктуальность...

Хлопаю ресницами, не понимая, к чему его фраза, а он добавляет:

– А еще ответственность, внимательность и хорошая память.

Без двадцати девять все собираются на общеврачебную конференцию, на которой обсуждается каждый пациент, идущий на операцию. Докладывают ординаторы, проработавшие год. Для меня они почти боги.

Слушаю не дыша, пытаюсь уловить каждое слово, не упустить каждый нюанс выступления и разглядеть все представленные на экране документы.

Неужели и я когда-нибудь буду так уверенно излагать суть, отвечать на вопросы и чувствовать себя настоящим врачом?

После конференции все разбегаются: кто-то – в операционную, кто-то – записывать пациентов на исследования. Я же направляюсь за Максом заниматься дневниками.

– Алабина, – слышу голос Лешина. – Идешь в отдел переливания делать заявку на кровь.

Хлопаю ресницами.

Это что, дополнительное ответственное задание?

Соображаю, что давно пора ответить, и кидаю:

– Бегу, Алексей Леонидович.

Забираю карту Гаврилова и, ожидая лифт, изучаю ее. Мало ли пригодится информация. Увлекаюсь настолько, что не замечаю, как железные створки разъезжаются, пока не чув-

ствую какое-то непонятное, необъяснимое ощущение. Что-то из прошлого, когда внутри вопреки законам физиологии все стопорилось и прекращало функционировать.

Поднимаю глаза и не верю тому, что вижу.

Хлопаю ресницами, пытаюсь прогнать галлюцинацию, но она не исчезает.

Матвей?!

Здесь?!

Каким образом?!

Эти вопросы появляются и испаряются из-за своей второстепенности. Ведь главное – человек, из-за которого я до сих пор неровно дышу на расстоянии метра от меня.

Настоящий, сногшибательный и... растерянный...

Он приклеился ко мне взглядом и не двигается.

Боже мой, я сейчас растекусь в лужицу от чувств.

Я была уверена: никогда в жизни больше не увижу его. Вот так. Перед собой. И то, что происходит, похоже на чудо.
– Молодой человек, вы выходите?

Матвей ровняется со мной. Хочется кинуться ему на шею, чтобы не только видеть, но и почувствовать его крепкое, сильное тело, чтобы эти руки, что, кажется, стали еще мощней, сомкнулись на моей талии, впечатали в себя... Вот только сзади подталкивает подбежавшая к подошедшему лифту медсестра, и мне приходится войти в кабинку, а пока я торжможу, он закрывает двери и увозит.

Ошарашенно смотрю на металлическую клетку железно-

го монстра, в которой оказалась, и от накрывших эмоций хочется глупо разрыдаться.

Как так – увидеть через шесть лет после расставания и даже не обмолвиться словом?!

А если он случайно там оказался?

А если я его больше не увижу?

Вылетаю на первом этаже, где останавливается лифт, и, устремившись к лестнице, бегу обратно. Осознавая: веду себя не как ответственный ординатор, а глупая влюбленная дуручка, но сразу отмахиваюсь. Я умру, если упущу возможность еще раз его увидеть и поговорить.

Отдышавшись, вхожу на отделение и прохожу по коридору. Матвея нигде нет.

На посту дежурит Аллочка, но не спрашивать же у девушки, не видела ли она, куда пошел офигительный молодой парень.

Хотя она бы его точно заметила.

От его внешних данных аж сердце свело.

Губы сами растягиваются в улыбку, едва я вспоминаю, как возмужал мой красивый мальчик и стал не просто красивым, а умопомрачительно красивым.

Сердце сжимается от мысли, что парень наверняка давно не один. Кто-то целует его вместо меня, кому-то он дарит свою любовь...

Все! Стоп!

Иначе сейчас я затоплю отделение горячими слезами.

Замечаю Макса, выходящего из палаты, и устремляюсь к нему.

– Ты чего бездельничаешь? Уже разобралась с кровью?

– Нет.

Парень вопросительно таращится, ожидая, что я объясню причину, а я в ускоренном темпе решаю, спрашивать или нет про Матвея.

– Любимка?!

Макс смотрит на меня так, что делать это уже бесполезно. Если друг почуял запах сенсации, то уже не успокоится, пока не выяснит, в чем она заключается.

– Ты не видел парня в светлой рубашке?

Мрачнеет.

– Зачем он тебе?

Смущаюсь, как школьница, но заставляю себя произнести:

– Макс, потом. Просто ответь.

– Ань, только не говори, что у тебя с этим мачо что-то было.

– Было.

Парень демонстративно закатывает глаза.

– Он мне сразу не понравился.

– Макс!

– Что?! Из-за этого козла мне на первом курсе хотелось подойти к тебе и узнать, осознает ли будущий врач всей опасности анорексии?

– Успокойся.

– Да не могу я! Меня бомбит.

Молчу, давая ему выплеснуть эмоции.

– Хочешь, я сейчас его увижу и потребую, чтобы он больше здесь никогда не появлялся?

– Нет. Я взрослая и сама во всем разберусь.

– Анята.

– Пожалуйста, скажи, где ты его видел и исчезни!

– К Лешину пошел, – бросает парень и направляется от меня по коридору к посту топить стресс в голубых омутх понравившейся девушки.

Набираю побольше воздуха и направляюсь поближе к кабинету заведующего. Ближко подойти не решаюсь – я все-таки вместо того, чтобы заняться делом, караулю своего бывшего.

Останавливаюсь у закоулка, где меня не видно, но где я точно не пропущу Матвея, когда он будет возвращаться.

Пытаюсь сосредоточиться и сформулировать разговор.

«Привет! Как ты?»

А если скажет: «Привет! Хорошо?»

Как я переживу это?!

Может, тогда... «Привет! Рада тебя видеть!»

А если скажет: «А я нет!»

Кошмар.

Лучше вообще ни о чем не думать, чтобы не сойти с ума от ожидания.

В очередной раз выглядываю и вижу Матвея. Пока не передумала и трусливо не сбежала выскакиваю из-за угла и останавливаюсь, ожидая, когда он подойдет.

Мы опять, как магниты, стыкуемся и не может разорвать силу притяжения магнитного поля. Просто смотрим друг на друга, проникая, как раньше под кожу, и гормоны, расплзаясь по венам, создают между нами ту самую неповторимую химию.

«Люблю! Люблю! Люблю!» – стучит мое сердце, ускоряя ритм. – Безумно, безгранично, безоговорочно...

– Никитин, документы забыли, – врывается в сознание голос Лешина, и волшебство между нами лопается, как мыльные пузыри от пальцев моего брата.

Магия исчезает. Остается проза жизни: я не выполнила задание, а переглядываюсь с парнем, которого, по мнению руководителя, увидела в первый раз.

И это после сегодняшнего инцидента утром!

И это та, которая заявляла, что не собирается замуж и держит слово!

Кошмар...

Ловлю на себе взгляд наставника и покрываюсь пятнами.

И как теперь оправдываться?!

Чтобы Лешин не успел задать мне вопросы о выполнении его поручения, мгновенно исчезаю в ближайшей двери

и только попав, понимаю, что оказалась в ординаторской. В помещении никого нет, и я прислоняюсь к стеночке и перевожу дух, а потом нахожу в себе силы и бегу выполнять поручение.

Матвей, как я поняла, тот Никитин, ординатор, отсутствующий вчера и пусть я в растерянности, почему у парня другая фамилия, но меня это так не заботит. Главное теперь знаю: он не исчезнет, и мы поговорим с ним, когда появится время.

5 глава. Мазохизм

Выйдя из кабинета, второй раз оглядываюсь, но Ани нигде не вижу и направляюсь в пятую палату.

Знакомлюсь с пациентами, начинаю рассказывать, как важен для диагностики Холтеровского мониторирования дневник наблюдения и что без их помощи я не смогу правильно его заполнить.

Живенький старичок Абрамкин заявляет:

– А у нас утром девочка была симпатичная и уже ввела в курс дела по полной программе.

– Какая девочка? – торможу я.

– Аниса... – он оборачивается к соседу с кровати напротив.

– Аминовна, – подсказывает тот.

Хмурюсь.

Лешин решил дать мне не просто бессмысленное задание, а еще и которое уже выполняет Аня?!

Жесть!

Рассчитываю, это временная проверка на целеустремленность, потому что приехал я сюда не возиться с бумажками, а учиться оперировать.

Завершаю свою бесполезную работу и иду договариваться насчет анализов, надеясь, что это задание не было продублировано, и Аня не опередила меня.

Мы же не играем, кто кого сделает!

Дальше день тянется скучно и медленно. Продолжаю опрашивать и записывать, знакомлюсь с персоналом.

Медсестры пытаются заигрывать, но я сразу воздвигаю стену субординации. Пусть лучше считают, что я зажавшийся сноб, чем потом придется отбиваться от их назойливости.

За целый день с Аней пересекаюсь всего пару раз, да и то мельком. За ней хвостом ходит тот придурок блогер, и я чувствую, что первая неприязнь скоро перерастет в устойчивое неприятие.

«Притормози!» – кричит здравый смысл. – «Она уехала от тебя. Прошло столько лет! Ты же не думал, что такая красивая девушка до сих пор одна?!»

От этой мысли противно щемит в груди отголосками пережитого «инфаркта».

Не думал, да и думать об этом не могу.

Головой понимаю: это нормально, жизнь продолжается и прочее, но я был ее первым мужчиной и хотел быть единственным.

Посмотри в зеркало, в глаза парню, который уже год как живет с другой, и утрамбуй свои хотелки.

Да, глупо ждать от Ани того, чего не выполняю сам, но от одной мысли, что кто-то может прикасаться к ней, ласкать ее, меня накрывает бешенство, сносящее здравый смысл и спокойствие.

– Алабина, почему прохлаждаешься? Ты выполнила задание? – слышу голос Лешина и Анино объяснение:

– Я жду Максима Шевцова.

Мужчина скидывает брови.

– А Шевцов не в состоянии сам дойти до кабинета?

Шевцов – это тот додик?

Он мне тоже не нравится. Особенно потому, что она его ждет.

Поддерживаю руководителя двумя руками.

Девушка послушно начинает перемещаться в сторону кабинета заведующего, а я иду следом и люблюсь ей.

Мазохизм?

Да, чистой воды.

Но мое тело не подвластно разуму и существует отдельно.

Не могу я выдернуть ее из себя!

За столько лет не получилось...

Даже факт, что она меня бросила, не отрезвляет.

Слишком глубоко впустил, слишком сильно проросла она во мне...

Мы входим в кабинет, и Лешин, развалившись в своем кресле, которое того и гляди рухнет под его массивным телом, спрашивает меня:

– Матвей Николаевич, предоставим будущей женщине-хирургу первое слово?

Слышу стёб в его словах, но не улавливаю, почему.

Нет, я, конечно, выпал в прострацию, узнав, что Аня решила стать хирургом, но не потому, что она девушка, а оттого, что раньше та не озвучивала мне ничего подобного.

После ее исчезновения я вообще решил, что Аня передумала поступать в медицинский, поскольку в Питере в профильных вузах ее имени не было в списках поступивших абитуриентов, как и в городах недалеко от места ее рождения, которые я штудировал. А она, оказывается, уехала в Москву.

Киваю и поворачиваю голову в сторону девушки.

– Давайте с Федосеева начнем. С первого раздела.

Аня набирает в легкие воздух, но в это время в кабинет входят опоздавшие.

Лешин хмурится.

– На будущее, если у меня нет операции, на ковер ко мне в 17.00 без опозданий.

Эти двое из ларца почти синхронно кивают, и снова все взоры обращаются на Аню.

Она волнуется. Вижу, как бешено бьется под кожей венка на шее, которую любил целовать, как теребит пальчиками листок.

Ох, как я обожал ее пальчики. Нежные, трепещущие, возбуждающие...

Стоп.

Что за мысли?!

Свихнулся от неожиданной встречи?!

Я так увлекаюсь своими воспоминаниями, что пропускаю начало ее речи, и только громкий голос Алексея Леонидовича возвращает меня в действительность.

– Сердцебиение большой амплитуды? Вы серьезно? – он кривит губы и продолжает: – Сразу перед глазами возникает маятник Фуко.

– Я записывала то, что говорил больной, – оправдывается девушка.

– Какой тогда был смысл в вас?

Она молча смотрит на него, и он делает отмашку.

– Ладно, продолжайте.

Аня щебечет:

– Нытье рук. Резь в за грудиने.

Сразу дифференцирую: предположительно стенокардия.

Девушка переходит ко второму пункту основы жизнедеятельности и начинает:

– Получасовая прогулка после обеда перед тихим часом, нормальным шагом. Во время прогулки никаких неприятных ощущений в области сердца не чувствовал.

– Стоп.

Аня замирает, а Лешин обращается ко мне:

– Звезда Питера, что написали вы в этом пункте у Федосеева?

– Дневная прогулка – тридцать минут. Ощущения – норм. Улыбается.

– Чувствуете разницу?

— Да, — выдыхает она. — Кратко и четко.

— Вот именно! Вы не сочинение пишете на тему: «Как провел каникулы в больнице Федосеев», а кратко излагаете важные факты, которые позволят мне не выискивать суть в бредятине, которой начитался уже за свою жизнь, а сразу зацепиться и уловить ее.

Девушка стоит расстроенная, как будто схлопотала двойку за невыученный урок, а мне, помимо логики и здравого смысла, хочется прижать ее к себе, утешить.

Где вся моя злость?

Где обида на нее?

Увидел и поплыл?

Не могу себе позволить ничего подобного и только мысленно посылаю ей свои флюиды, чтобы она не расстраивалась.

Неожиданно замечаю, как клоун Шевцов берет Аню за руку и сжимает ее пальчики. Но это еще не все! Девушка не отдергивает, не осторожно освобождает свою руку, а позволяет ему держать себя.

Как это понимать?

Мне охренеть, как это не нравится!

Скриплю зубами, подавляя раздражение.

Знаю: давно не имею на нее никаких прав, но, черт возьми, происходящее невыносимо!

Злюсь на себя за то, какой мягкотелый, на нее за то, что она имеет надо мной сумасшедшую власть, на этого ее уте-

шителя.

Меня бомбит так, что мой триумф перед Левиным сдувается, как сливки, выдавленные из банки. Да и нет у меня желания утирать девчонке нос. Вот вклеить в нос ее приятелю – другое дело.

Лешин, получив моральное удовлетворение, что спустил девушку на землю, принимается слушать и троллить заносчивого парня в очках и этого, от которого завожусь с полоборота, после чего отпускает всех, кроме меня.

Удивлен таким повышенным вниманием ко мне. Но едва мужчина начинает говорить, понимаю, что его в большей степени интересую не я, а мой бывший профессор, рекомендовавший мне направиться в ординатуру именно сюда. Он был когда-то наставником Лешина.

Алексей Леонидович отпускает меня минут через десять, и я оказываюсь в пустом коридоре, кручу головой в поисках Ани, и, не найдя ее, направляюсь к лифту, испытывая противоречивые чувства.

Эйфория от неожиданной встречи прошла, и осталось горькое разочарование: она даже не подождала меня. Вроде ведь хотела поговорить.

А чего меня ждать?!

Этот Шевцов, наверняка ее парень. Сразу утешать бросился, когда та под раздачу попала, вот и увел девушку от меня подальше.

Вздыхаю.

Смирись. Она несвободна.

И ты тоже!

Забыл?!

Все, что было – прошлое, пусть и незабываемое.

Телефон вырывает меня из вихря моих размышлений, и я отвечаю:

– Привет.

– Привет. Как ты без меня?

– Привыкаю.

– Эй! Что за мысли такие, – звенит Лана. – Я тебе сейчас столько секси фоток пришлю, что все бросишь и купишь билет на первый самолет в Питер.

Улыбаюсь. Это в ее духе.

– Я только из больницы вышел.

– Значит, не скучал?!

– Некогда было.

– Что-то случилось? – словно преобразовавшись в электрический сигнал и проникнув с помощью радиоволн в меня, спрашивает девушка.

– Нет.

Выходит не слишком убедительно, и она продолжает:

– Ты как будто говоришь со мной, а сам далеко.

Если бы ты знала, как далеко, не медлила с переездом, плюнула на отработку и прилетела меня спасать.

6 глава. Стенокардия

Я ошиблась. Никто не умирает без любви!

Даже такой пронзительной, глубокой и чистой...

Но и никто не может вытравить ее из сердца!

И время пылью прошедших дней лишь прикрыло эти чувства и стоило Матвею появиться, как ветер перемен смахнул все лишнее и обнажил их...

Любовь просочилась свежей обновившейся субстанцией в каждую клеточку, заполнила собой все мое существо и... внесло сумятицу...

Не знаю, как отработала этот день.

На автопилоте.

Тело старалось выполнять возложенные задачи, а разум отключился от шока, словно электричество от короткого замыкания. Думаю, потому я ступила и в основах жизнедеятельности записала слово в слово, что сказал больной, а не выжала из них суть.

Даже сейчас, ночью в темной комнате, ощущаю, как начинают гореть щеки от воспоминаний о своем косяке, а тогда... Стояла ни жива, ни мертва и желала провалиться сквозь землю, чувствуя, как Матвей на меня смотрит и, скорее всего, думает, как Лешин, что мне не место среди гениальных мужчин.

После такого позора, было не слишком перспективно за-

водить разговор с бывшим парнем, но я не могла откладывать.

Быстро избавилась от Макса и специально зависла с Аллочкой, чтобы подкараулить Матвея. Вот только на пост позвонили из отдела переливания по Гаврилову, я испугалась, что накосячила, и рванула туда, а вернувшись, встретила в коридоре Лешина и поняла: упустила.

Хотелось зарыдать от спектра пережитых эмоций, что сегодня разом навалились на меня, и снять разрушающий стресс, но не при всех же.

Возвращалась домой все в том же очумелом состоянии и мусолила нашу встречу, содрогаясь от предполагаемых ощущений, что получила бы, если бы не стормозила, и обняла парня.

Тогда это можно было себе позволить. Списать на радость от встречи.

От горячих мыслей, разгоняющих кровь по венам, во мне все буквально закипело и забулькало, сообщая, что гормоны стресса лучше выводить сексом. С Матвеем, естественно...

Переворачиваюсь на другой бок, рассчитывая, что мысли от меня отлипнут, но куда там. Голова переполнена и не дает отключиться.

Утром встаю вялая, помятая, но с твердым решением поговорить. Нам работать вместе. К тому же... Может быть...

Глупо рассчитывать, что Матвей предложит снова встречаться. Все-таки шесть лет – большой срок. Но...

Да, я рассчитываю. Вернее, надеюсь.

Он так на меня смотрел...

Парень просто был в шоке.

Нет, это было что-то большее. Я почувствовала.

Всю дорогу до больницы витаю в розовых мечтах и глупо улыбаюсь.

Даже случайный парень в метро, решив, что мои улыбки предназначены ему, подходит знакомиться.

Чуть не проваливаюсь от стыда, когда он заявляет: «Я вижу: тебе понравился. Можно встретиться! Но у меня хаты сейчас нет»

На отделение опять прихожу заблаговременно, и... становлюсь с Матвеем.

Зависнув в его взгляде, мысленно записываю симптомы: нытье рук, резь в груди...

Ощущения, как вчера конспектировала за Федосеевым. Стенокардия.

Парень кидает мне: «Привет» и собирается пройти мимо, но я, понимая, что больше, возможно, такого удобного случая не предвидится, торможу его вопросом:

– Мы можем поговорить?

Останавливается, смотрит на меня взглядом, от которого прошибает озноб, и, скривив губы, уточняет:

– Твой друг не будет против?

Не прячу глаза.

Приревновал?

Это хорошо или плохо?

Некогда разбираться. Главное сейчас объяснить, что между мной и Максом чисто братско-сестринская любовь.

– Не будет. Потому что Макс просто друг. Без всяких скрытых значений.

Продолжаем тарашиться друг на друга, вспоминая про непонятки из прошлого, связанные с его братом, когда-то просто моим другом.

Матвей первый разрывает контакт и пренебрежительно спрашивает:

– А нам есть о чем говорить?

Молчу. Диалог получается каким-то неправильным.

Неужели после тех чувств, что мы пережили, нам не о чем поговорить?!

Неужели в его сердце не осталось немного если не любви, то нежности ко мне?!

– Если ты думаешь: я скажу, что рад тебя видеть, то это не так, – бросает он, отгораживаясь от меня.

Проглатываю обидные слова, раздирающие душу, стараюсь не показать, как мне больно.

– Мы же будем проходить ординатуру вместе, – выискиваю аргумент и заметаю следы своих чувств, своих скрытых желаний. – Каждый день встречаться.

– И что?

От его равнодушия внутри я уже давно захлебываюсь слезами, но снаружи держу лицо и только мысленно, будто за-

клинание, причитаю: «Боже, дай мне сил сейчас не разрешиться перед ним».

– Я думала...

Кривится.

– У тебя не всегда это получается.

Этот удар под дых приводит меня в чувства. Собираю остатки силы, гордости и выплевываю:

– Скажи еще, никогда бы не подумал, что из меня что-то получится. Я же женщина, а решила стать хирургом!

Молчит, а мне уже не остановиться:

– Знак молчания – знак согласия?!

Похоже, говорить теперь буду только я.

– Вот скажи, ты бы удивился, если бы тебе заявили: «Какой красавчик, еще и доктор хороший»?

Усмехается.

– Вот-вот. Почему же все мужчины, примеряющие на себя роль хирурга, вместе с решением о специализации, словно подписывают негласный договор: ненавидеть женщин, выбравших аналогичную специализацию. Что это?! Не допустить даже мысль, что они могут быть в чем-то хуже женщины?

– Бред. Я не боюсь конкуренции. Для этого я пахал все это время и получил красный диплом.

– Забудь, какого цвета у тебя диплом! Тебе не говорил об этом Лешин?!

– Давай не попадаться друг другу на глаза, – произносит

Матвей, проведя черту под нашим сумбурным диалогом, и, не получив от меня ответа, уходит.

Кусаю губы, извергая вопросы:

Почему?

За что?

Как так!

Есть ли страшнее наказание, чем встретить Матвея, когда он забыл меня?!

Если вчера я решила, что была не в форме и выполняла задания на автомате, то сегодня даже Лешин, внимательно отсканировав мое лицо, спросил:

– Аниса Аминовна, вы не заболели?

Я попыталась взбодриться, но моей энергии хватило на пару часов, а новой порции энергетического коктейля в организме не оказалось.

7 глава. Игнор

Что-то я вчера поплыл.

Реально.

Аня, в новой, еще более завораживающей версии, неожиданно появившаяся передо мной, атрофировала напрочь весь здравый смысл, заморозила память. Я снова ощутил себя влюбленным мальчишкой, позабыв, какую боль она мне причинила. А сейчас, словно отходя от наркоза, остро чувствую ее и, скрипя зубами, терплю.

Закрываю глаза и всплывает картинка из прошлого...

Больничный подоконник, я сижу на нем, тупо уставившись в одну точку.

Последние числа июня, за окном жара и ветер играет зеленой листвой, а внутри меня убийственный холод Антарктиды.

Девушка, которую я люблю, забрала деньги и уехала!

Повторяю себе, как заклинание: «Неправда».

Только время стирает дни на календаре и мою уверенность в этом. Она не приходит, не связывается со мной, чтобы объяснить свое исчезновение...

Другой месяц. Другое окно.

Смотрю на него, задрав голову, и молю: «Выгляни. Пусть все, что произошло, будет просто ужасным сном!»

Бабулька, божий одуванчик, проходит мимо со своей со-

бачонкой и, сочувственно смотря на меня, произносит:

– Сыночек, там уже другие жильцы.

Бросаю взгляд на цветущую будку и хочется орать.

Нет!

Пожалуйста, пусть это будет неправдой!

Август. Берлога, я и ноут, в котором до рези в глазах просматриваю списки абитуриентов, чтобы найти знакомую фамилию и примчаться к ней и спросить: «Почему?»

Переворачиваюсь на другой бок. Надо постараться уснуть.

Невозможно прокручивать и пропускать через себя тот ужас, что пришлось пережить тогда...

Закрываю глаза, но сон не идет.

Жесть.

Вставать в три утра – не вариант.

Зачем она опять вернулась в мою жизнь?!

Тогда, когда мне надо быть предельно сконцентрированным и спокойным.

Может, позвонить профессору и вернуться в Питер?

Я же не выдержу присутствия Ани рядом. Вчера реально хотел втащить ее парню.

Ну да, и что скажу ему?!

Здесь моя бывшая! Спасите-помогите!

Бред!

Надо брать себя в руки.

Глупо отказываться от места, о котором мечтал и которое с трудом получил, ради девчонки, что однажды разбила

сердце, даже не потрудившись объяснить.

Нельзя позволить ей разбить и мою карьеру!

Надо просто держаться от нее на расстоянии.

Справлюсь!

Все равно адекватного выбора у меня нет...

Кое-как засыпаю, но сон поверхностный. Такое ощущение, что полголовы спит, а половина бодрствует.

Встаю измученный, рассерженный, но решивший целиком и полностью сосредоточиться на работе, ради которой поменял город, и не забивать голову посторонними отвлекающими мыслями, и, если понадобится, игнорить свою бывшую.

На завтрак заглатываю йогурт и пью чай с бутербродом.

За год совместной жизни с Ланой я опять привык к комфорту, к домашней еде, и временный беспорядок и отсутствие нормального питания раздражают, поскольку напоминают о тех днях, когда не хотелось возвращаться в хаос, в котором жил. Для кого-то подобное – норма жизни, но для парня, привыкшего к пирогам, домашним котлетам и вылизанным поверхностям в доме, это являлось раздражающим фактором.

В такси, добираясь до работы, решаю: надо поскорее пригнать тачку, поскольку человеку, привыкшему держать свою жизнь в собственных руках, не перестроиться и не привыкнуть предоставлять ее в руки некоторым баранам.

На удивление, в больницу приезжаю с хорошим запасом времени.

Рад этому факту. Не люблю опаздывать и людей, которые легкомысленно относятся к пунктуальности.

На отделении ординаторов еще нет, но не успеваю подумывать, как это хорошо, как мое уединение нарушает Аня.

Она впивается в меня взглядом, проникая туда, куда не позволено. Бросаю ей: «Привет» и хочу уйти, но девушка останавливает меня.

– Мы можем поговорить?

Оборачиваюсь и, смотря в космические глаза своей бывшей, думаю: как безболезненно для нас обоих уйти от разговора?

Не хочу нырять в прошлое. Меня и так затягивает оно и вспарывает едва рубцующиеся раны.

– Твой друг будет не против? – спрашиваю и кривлю губы, произнося «друг», вспоминая это коробящее слово из прошлого.

Не тушется, не отворачивается, а отвечает:

– Не будет. Потому что Макс просто друг. Без всяких скрытых значений.

Вглядываюсь, ловя ее эмоции. Не врет.

Неожиданно.

Полностью забыв про логику, как придурок, радуюсь этой новости. Хорошо хоть умело скрываю и не показываю вида.

Насильно вытаскиваю себя из неправильного состояния.

Эта информация ничего не поменяет. Человек, предавший однажды, сделает это снова, как бы он ни уверял. А жить на пороховой бочке с профессией, выбранной мной, невозможно.

Все еще пытаюсь завершить разговор, который возвращает в мою голову хаос и сжимает сердце от убийственных воспоминаний прошлого, отворачиваюсь и бросаю фразу, которая должна ликвидировать желание Ани со мной общаться:

– А нам есть о чем говорить?

Молчит. Кусает губы.

– Если ты думаешь: я скажу, что рад тебя видеть, то это не так, – добавляю, выстраивая между нами железобетонную стену. Будет проще, если девушка сама станет игнорировать меня.

– Мы же будем проходить ординатуру вместе, – пищит она. – Каждый день встречаться.

– И что?

Аня пытается скрывать свои эмоции, но я слишком хорошо знаю девушку. Она расстроена. Ей больно от моего равнодушия.

Почему?

Рассчитывала, что я все забыл и брошусь в объятья?!

– Я думала...

Кривлюсь. Я не хочу грубости. Не хочу перегибать палку, но Аня не понимает иначе, а я не в состоянии снова возвращаться к диалогу с ней.

– У тебя не всегда это получается.

Вспыхивает, вздергивает подбородок и показывает стальную часть своей натуры:

– Скажи еще, никогда бы не подумал, что из меня что-то получится. Я же женщина, а решила стать хирургом!

Молчу, несмотря на то, что девушка говорит бред, надеюсь: так быстрее мы завершим общение.

– Знак молчания – знак согласия?! – заводится она, но вступать в полемику по-прежнему не собираюсь.

– Вот скажи, ты бы удивился, если бы тебе заявили: «Какой красавчик, еще и доктор хороший»?

Усмехаюсь. Ну да, вопрос бьет прямоком по профессиональной самооценке.

– Вот-вот. Почему же все мужчины, примеряющие на себя роль хирурга, вместе с решением о специализации, словно подписывают негласный договор: ненавидеть женщин, выбравших аналогичную специализацию. Что это?! Не допустить даже мысль, что они могут быть в чем-то хуже женщины?

– Бред, – бросаю ей эмоционально, не выдержав. Мне не нравится ее сравнение меня со всеми мужчинами, поскольку я так не считаю. – Я не боюсь конкуренции. Для этого я пахал все это время и получил красный диплом.

– Забудь, какого цвета у тебя диплом! Тебе не говорил об этом Лешин?!

– Давай не попадаться друг другу на глаза, – устало бросаю

я, понимая: иначе мы так и не завершим то, что в принципе не надо было начинать.

Иду по коридору, на ходу изучая карту Абрамкина. Его планируют ставить на операцию, и мне интересен его случай.

Краем глаза вижу идущего навстречу человека в белом халате и беру левее, планируя разойтись, но он все равно на-двигается на меня.

Поднимаю глаза. Блогер.

По взгляду, которым парень бодается, понимаю: сейчас сцепимся.

Настраиваю себя не перегибать палку, но спускать ему хамство точно не собираюсь.

– Звезда Питера, – насмешливо начинает он. – Думаю, тебе климат наш не подходит! Ты привык к своим депрессивным серым будням, а мы любим хорошую погоду!

– Ты о чем? – строю из себя дурака, не понимающего завуалированный посыл куда подальше.

– Возвращайся туда, откуда приехал!

– С какой радости?

– Ты нам здесь погоду портишь!

Парень сжимает кулаки, вижу, они у него тоже чешутся.

– Ваши проблемы.

– Ты тупой?!

Вот с точностью наоборот. Лезет на рожон, хотя с его комплекцией я загашу его с первого удара.

Он реально всего лишь друг?!

– Это ты посредственный чувак, способный только изображать врача в блогах. А я приехал сюда учиться, и мне ваша погода фиолетово! Меня ничего, кроме работы не интересует. Усек?!

Делаю шаг, чтобы обойти его, но debil пытается заградить проход. В итоге жестко сталкиваемся плечами, но я все-таки прохожу и иду дальше по коридору, пытаясь выбросить из головы инцидент и не думать: это была его инициатива или с подачи Ани?

8 глава. Решение

Влетаю в лифт и врезаюсь в его взгляд. Обжигаю роговицу, опалю кожу, гортань, трахею, словно меня лизнуло пламя огня. В итоге: не вижу, не дышу, только чувствую его. Но даже этого слишком много для влюбленной дуручки в ограниченном маленьком пространстве железной клетки...

Практически на ощупь нажимаю на кнопку этажа и хриплю «привет» в ответ.

Это единственная фраза, которую мы бросаем друг другу за день, и это убивает.

На эмоциях после несостоявшегося разговора я распахнулась и хотела забрать документы и уйти, но образумила себя. Было так непросто попасть на кафедру, о которой мечтала, и уходить сейчас лишь подтверждать слова Лешина, что женщина-хирург – недоразумение.

Да, для моего психического состояния решение остаться – тяжелое испытание, но я как мантру повторяю: «Я сильная! Я справлюсь!»

Вот только настроить свой организм, игнорировать Матвея так же филигранно, как он меня, не получается. Понятия не имею, где располагаются кнопки управления эмоциями и чувствами в моем организме, и поэтому просто стараюсь внешне казаться равнодушной. И лишь каждый вечер тихо топлю слезы прожитого дня в подушке, осознаю: долго так

я не выдержу.

Лифт закрывает двери и на какие-то секунды, отделяя нас от мира, перемещает в пространстве.

Дышать становится сложнее.

Такое ощущение, что мы поднимаемся не на седьмой этаж, а к семи тысячи километрам, где уровень снабжения крови кислородом составляет шестьдесят процентов от необходимого.

Критически низкий!

Шумно вдыхаю в себя его остатки, ощущая, как в моем организме происходит целый комплекс патологических реакций, и в порыве отчаянья поворачиваюсь к Матвею.

Сталкиваемся, сливаемся, плавимся взглядами какие-то пару секунд, прежде чем в глазах парня зашториваются эмоции, и я вижу только холод безразличия.

Хочется крикнуть: «Не надо! Пожалуйста! Не прячься от меня!», но он уже не мой любимый Матвей из прошлого, что только мелькнул перед глазами, а робот, который не видит, не слышит, не чувствует.

За что?

Почему?

Что-то не так?!

Мне жизненно необходимы ответы на эти вопросы!

Двери медленно открываются, и я вылетаю первой.

Дышать, дышать, дышать.

Не чувствовать его так близко и так невыносимо далеко.

Целый день кручу в голове возникшие вопросы.

Да, я уехала, но я же попросила прощения и объяснила, что делаю это ради того, чтобы он жил.

Почему такой игнор?

За то, что решила единолично?!

С каждым часом мне кажется поведение Матвея все более ненормальным, и я чувствую жизненно необходимую потребность как можно скорее выяснить причины, иначе просто загублю себя и ординатуру.

Приняв решение еще раз поговорить с ним, лечу в коридор и сталкиваюсь с Максом в дверях.

– Не знаешь, где Матвей?

Парень вгрызается в меня взглядом.

Злюсь.

– Если не знаешь, так и скажи. Не надо меня гипнотизировать!

– Пошел к Лешему, – и следом жестко. – И желательно, чтобы оттуда не уходил.

– Макс!

– Что Макс?! Он опять вгоняет тебя в депрессию! – и, сбавив обороты, добавляет. – Я хочу мою улыбчивую любимку, а не депрессивную анорексичку, в которую ты опять решила превратиться.

– Не мели чушь.

Он вскидывает брови.

– Что ты сегодня съела за день?

Задумываюсь и, понимая, что мой ответ подтвердит его слова, начинаю оправдываться:

– Сегодня много работы. Я уже зашила клеить, подшивать и переписывать.

– Вчера?

Молчу. Сказать нечего.

– Вот я об этом и говорю.

Пожимаю плечами.

– Это временно.

– Ничего не бывает постоянное, чем временное.

– Ты заделался в философы? – пытаюсь сбавить градус нашего разговора, но друг не ведется.

– Я заделался в твоего личного оруженосца, который убьет жестокого дракона.

– Да нет, ты не философ, а сказочник.

Натягиваю на лицо улыбку.

– Да, я не скажу, что у меня все прекрасно, но и ничего ужасного нет. Просто надо отойти от шока. Он моя первая любовь, первый мужчина и появился неожиданно. А еда в столовой невкусная, вот я про нее и не вспоминаю. Буду из дома что-нибудь брать.

– Учти, я буду за тобой присматривать!

– Учту, – обещаю я и позволяю себя утянуть обратно в ординаторскую, где мы болтаем до часа X, когда надо идти к Лешину.

Наставник, как всегда, находит косяки, казалось бы, в идеально сделанной работе и, подводя итоги недели, резюмирует, что мы сами себе продемонстрировали, какие еще зеленые и безмозглые. Одному Матвею достается скупая похвала, и я позволяю себе, слушая ее, задержать взгляд на серьезном лице парня.

Он, как всегда, самый лучший! Кредо у него такое, видишь.

Едва Лешин закругляется, Матвей исчезает из отделения одним из первых.

В убитом состоянии плетусь к выходу, понимая, что впереди выходные и разговор придется отложить до понедельника.

Кошмар!

Как мне пережить эти шестьдесят часов ожидания?!

Уже в дверях меня цепляет Аллочка и обрушивает свой вагон новостей. Слушаю ее безобидную болтовню и пытаюсь выкинуть мучающие мысли, пока не звучит ошарашивающий вопрос:

– Тебе тоже понравился красавчик?

– Кто? – выдыхаю, покрываясь пятнами, как преступник, пойманный на месте первого преступления.

– Как кто? Никитин.

– Нет... Да...

– Ясно все с тобой.

Смущаюсь еще больше, а девушка, придвинувшись бли-

же, шепчет:

– Верка из процедурной сначала на Шевцова нацелилась, а как Никитин нарисовался, сразу стала хвостом перед ним крутить.

– И?

– Ничего. Отшил и попросил субординацию соблюдать. Так зараза хотела адрес выведать...

– Адрес... – бормочу я, соображая, что это был бы идеальный вариант. Пытаться поговорить в больнице, где в любую минуту могут помешать и прервать – не самый хороший вариант, а мне обязательно надо заставить Матвея объяснить свое поведение, иначе лучше сразу сдаваться, забирать вещи и катиться куда подальше, пока еще в состоянии.

Девушка вглядывается в меня.

– А у вас что-то было?

– С чего ты взяла? – отстраняясь, спрашиваю вместо ответа.

– Да вы оба странные. Так смотрите друг на друга, пока думаете, никто не видит, так реагируете...

Сдаюсь.

– Он мой бывший.

Глаза Аллы загораются, как лампочки, в предвкушении новых сплетен, но я вместо этого, сгорая от стыда, бормочу:

– А как узнать его адрес?

– У одной доброй феи, – улыбаясь, выдает девушка и открывает ключом какой-то ящик. – Я так и чувствовала, что

между вами что-то есть. От вас электричеством бьет, да молнии летают. Страшно подходить.

– Было, – с грустью шепчу я.

Она протягивает листочек с адресом, и я выдаю «спасибо», все еще чувствуя себя очень неловко.

– Кстати, я посмотрела – он не женат, – добавляет Аллочка, подмигивая, а я снова повторяю «спасибо» и ретируюсь, пока полностью не сгорела от стыда.

9 глава. Разговор

Вылетаю из отделения, словно из адового пекла.

И это прошла всего неделя.

Радует только одно: Лешин выделяет меня, видимо, почувствовав потенциал, и я уверен, готов научить всему, что он умеет.

Только как мне абстрагироваться, чтобы максимально все в себя впитывать, когда Аня преследует меня во сне и наяву?

Прислоняюсь к стене лифта и прикрываю глаза. Сегодня здесь я чуть не задохнулся. Хотелось нажать на кнопку стоп, вжать ее в стену и высосать весь кислород из манящего рта.

Сумасшествие какое-то!

Не знаю, откуда наскреб сил сдержаться. Если бы ехали на этаж выше, это закончилось бы непоправимым безумием...

Просто невероятно, но если раньше между нами была дурманящая, лишаящая здравого смысла химия, то сейчас к ней подключилась чертова физика. Только закон всемирного тяготения Ньютона действует извращенно. Аня, словно не хрупкая девушка, весящая в два раза меньше меня, притяжение которой не может ощущаться, а тело, примерно равное массе Земли, так что мне не одолеть эту гравитацию.

У меня просто давно не было секса!

Тебе реально нравится себя обманывать?

Других девушек у тебя не возникает желание вжать в сте-

ну!

Отмахиваюсь от внутреннего голоса, выхожу на улицу и останавливаюсь на ступеньках, позволяя ветру наброситься на меня, как на вновь прибывшего, и хорошенько потрепать, приводя в чувства.

Может, пройтись до метро, чтобы проветрить мозги?

Вдруг поможет избавиться хотя бы от мыслей о ней и спокойно провести выходные.

Начинаю спускаться и слышу:

– Никитин.

Оборачиваюсь, уже зная, чью физиономию сейчас увижу.

– Чего тебе? – кидаю не слишком вежливо, поскольку желания общаться с Аниным прихвостнем нет.

– Давай потолкуем, – заявляет наглец, не спрашивая, а утверждая.

– Думаешь, есть о чем?!

Безапелляционно.

– Есть.

Офигеваю от его самомнения, но продолжаю упираться:

– О чем нам говорить?

– Послушай, вам с Аней невозможно проходить ординатуру в одном отделении.

– Допустим. Что дальше?

Чудик вглядывается в мое лицо, а я пытаюсь понять, что он там хочет увидеть. Шевцов обо мне не лучшего мнения, как и я о нем.

– Ты же парень. Понимаешь, девушке надо уступить!

– С чего вдруг?

– Хотя бы потому, что когда-то ты ее любил.

Слишком многое знает приятель моей бывшей. Мне это неприятно.

– Что-то ты слишком печешься об Ане. Не перебор для друга?

– Да что ты понимаешь в дружбе.

Пожимаю плечами.

– Ты даже не представляешь, какой она была на первом курсе, – выплевывает, со злостью смотря на меня. – Одни глаза, кожа и кости. Когда другие девчонки думали о том, как провести выходные, она проводила их с книгами, чтобы выкарабкаться из депрессии.

Хмурюсь, а блогер резюмирует:

– Я сразу понял, что один нехороший человек поломал ей жизнь!

– Что?

– То, что слышал.

Стискиваю зубы.

– Это она тебе так сказала?

– Об этом кричало ее поведение, ее внешний вид. Я вообще думал, что ее скоро заберут в больницу анорексию лечить.

Никак не могу сложить в голове услышанное с теми фактами, что располагаю.

Шевцов хлопает меня по плечу.

– Надеюсь, ты услышал меня и сделаешь не просто выводы, но и широкий жест для бывшей девушки.

Зависаю в прострации, а он спускается со ступенек и про-
падает.

Оглядываюсь и соображаю: Аня не выходила.

Быстрым шагом возвращаюсь обратно. Хочу узнать у нее, о чем говорил ее друг.

Подлетаю к лифту. Толпа народа. Конечно, время посещения.

Быстрым шагом направляюсь к лестнице и поднимаюсь на этаж.

Верочка стреляет глазками.

– Матвей Николаевич, что-то забыли?

Спокойствие, благоразумие, здравый смысл и все в том же духе.

– Да, документы, – бросаю ей, утрамбовав раздражение, и несусь в ординаторскую, не поощряя ее заигрывания.

Залетаю. Встречаюсь взглядом с Гавриковым.

– Аню не видел?

– Ушла.

– Когда?

Психует.

– Я что, слежу за ней!

Выхожу обратно. Лифт не дожидаться, и я снова использую лестницу.

Вылетаю на улицу, сканирую дорожку. Девушки нет.

Успокаиваю дыхание и взволнованное состояние внутри. Не страшно. Позже поговорим. Обдумаю пока все услышанное.

Медленно спускаюсь со ступенек.

Может, существовала какая-то другая причина, почему она так себя извела?

С семьей у нее проблемы были.

Ладно, все в понедельник.

Черт, как до него теперь дожить!

10 глава. Оправдания

Сердце барабанит так сильно, что оглушает. Ничего не слышу: ни скрежет тормозов, ни истеричного звука клаксона машины, под которую чуть не влетела, подходя к подъезду.

Пытаюсь взять себя за шкурку и встряхнуть, чтобы мозги встали на место. Они мне сейчас очень понадобятся. Но я в полной прострации.

Вхожу в подъезд вместе с девочкой и бульдожкой и на вопрос: какой этаж, как идиотка хлопаю ресницами.

Она косится на меня и нажимает какую-то кнопку.

Да, я произвожу впечатление странной особы, но реально знаю только номер квартиры.

Попутчица выходит на седьмом. Выглядываю, чтобы посмотреть нумерацию поблизости. Девочка ускоряется, желая спрятаться от меня за дверью.

Правильно. Вдруг я маньячка.

Прикидываю, что мне еще примерно два этажа и еду дальше.

Подрагивающая кабина открывает свои лопасти, подрагивающие ноги перемещают меня в пространстве в поисках цели.

Останавливаюсь возле квартиры Матвея и собираюсь с силами, прежде чем нажать на звонок.

«Давай!» – кричу себе. – «Верх идиотизма в свой выход-

ной проехать полгорода для того, чтобы поцеловать дверь парня и ретироваться».

Осознаю: все так, но все еще стою и гипнотизирую циферки на деревянной поверхности.

«Даже если сейчас он не впустит внутрь, буду знать, что сделала все возможное, чтобы поговорить», – привожу крайний убеждающий довод и решительно нажимаю на кнопку.

Закрываю глаза от страха и, не зная ни одной из молитв, просто повторяю:

«Пожалуйста! Пожалуйста! Пусть он выслушает меня!»

Звук открывающегося замка и падающего к пяткам сердца.

Матвей открывает дверь, а я прирастаю к полу от убийственной картинке: парень в спортивных штанах с голым торсом, который едва прикрывает полотенце, переброшенное через плечо, и мокрыми взъерошенными волосами, делающими его лицо таким знакомым, родным...

Невольно скольжу глазами по соблазнительному телу, отмечая, как стали шире плечи, как округлились бицепсы и реки вен, обрисовывая мощные руки, манят к ним прикоснуться...

Сглатываю, продолжая нагло пялиться на увеличившиеся грудные мышцы и немного сползая, залипаю на кубиках пресса, которые выглядят сейчас более очерченными...

В голове непрощено всплывают картинке, как я водила пальцами по этим рельефным мышцам, как он этими заво-

раживающими руками вжимал меня в себя.

Стоп!

Так вообще все оставшиеся мозги утекут, и я двух слов не смогу связать.

Мысленно колочу себя по щекам и заставляю поднять глаза выше.

Надо сказать, мое появление вызвало зеркальный эффект: Матвей в шоке таращится на меня.

Парень первый приходит в себя.

– Что ты здесь делаешь?

– Можно войти? – спрашиваю вместо ответа.

Отходит в сторону.

Прохожу, заглатывая опасный запах и чувствуя, как дрожат не только руки, но и коленки.

Скидываю кроссовки, вешаю куртку, и мы снова цепляемся взглядами.

Глубоко!

Опасно!

Да уж, говорить наедине в пустой квартире – тоже такая себе перспектива. Не хочу оказаться в его постели, ничего не прояснив, а как сказала Аллочка: между нами искрит. Так что какой бы игнор Матвей ни включал, как бы ни старался показать, что я ему безразлична, это не помогает. Я вижу, как нас затягивает в воронку обоюдного желания.

– Проходи! – предлагает парень, указывая в сторону комнаты, разрывая наш взрывоопасный контакт.

Прохожу, чувствуя каждым волоском на теле его обжигающий взгляд, и еле сдерживаюсь от желания обернуться и поймать с поличным.

Диван, сложенное постельное белье, пару неразобранных коробок...

Не знаю почему, но я ищу признаки присутствия другой.

Не вижу.

Это обстоятельство окрыляет. Особенно от внезапно пришедшей мысли: «Чтобы я сейчас делала, если Матвей оказался не один?»

Отбрасываю лишние темы, и без них в голове каша, и, сев на краешек велюровой поверхности, пытаюсь отыскать в отложенной папочке на антресоли сознания схему продуманного бессонной ночью разговора.

Он останавливается у окна напротив и, прислонившись к подоконнику, смотрит, ожидая, что я начну.

– Матвей, давай будем друзьями. Нас же много связывает, – лепечу первую пришедшую на ум фразу, сцепляя пальцы и пытаюсь успокоить их дрожь.

Я так и не отыскала в голове слова, с которых собиралась начать самый важный разговор в своей жизни. Видимо, от помех, что создает его сумасшедшая энергетика, пропадают электрические импульсы, что пытается отправить мне мозг, и я ничего не могу вспомнить.

– Друзьями вряд ли, – произносит парень, хмурясь.

– Почему?

Кривится и молчит.

Наверно, он считает, что притяжение, которое искрит между нами, помешает этому.

Да, вероятно, но не могу же я терпеть два года мегабайты его игнора!

– Ты счастлив? – вылетает само собой, ведя совершенно в другое русло.

– Я добился всего, чего хотел.

– Ты счастлив? – повторяю я, впиваясь в любимое лицо глазами и расстраиваясь, что разговор опять не клеится. Матвей закрыт, и я не представляю, как растормошить парня. Я вообще, возможно, не знаю человека, стоящего перед собой. За шесть лет многое могло измениться.

– Если ты имеешь в виду, отошел ли я от факта, что меня предали? – жестко выдает он, и глаза напротив становятся холодными, что я невольно обнимаю себя за плечи. – Не совсем, но оклемался.

– Предали? – почти беззвучно шепчу, выловив в его фразе странное слово и пытаюсь осознать, что оно может значить.

Какие-то пару секунд Матвей продолжает растерзывать меня взглядом, а я растерянно хлопаю ресницами.

– Почему ты меня бросила?

Фраза, нарушившая тишину, звучит так горько, что я практически ощущаю эту горечь во рту.

Молча отворачиваюсь.

Как мне объяснить, что для меня его жизнь превышает все-

го?! Что любая минимально возможная угроза из-за моего присутствия рядом невыносима. А если...

– Вот видишь, даже объяснить не можешь.

«Могу. Только вряд ли ты поймешь», – мысленно кричу парню, но мы на разных берегах и не понимаем друг друга без слов.

– До сих пор не в состоянии принять, что ты согласилась променять наши чувства на деньги.

В висках вместе с пульсом стучит только что произнесенная фраза: «Променять наши чувства на деньги...»

– Что?! Как это променять?

Нахожу его глаза, всматриваюсь.

Он это серьезно?!

– Буквально. Взять деньги и бросить меня, – чеканит каждое слово Матвей.

– Какие деньги?! Я не брала деньги! – восклицаю, возмущаясь факту, что парень так думает.

– Хочешь сказать, что Ольга Константиновна врет? А как же расписка, подписанная твоей матерью?

Краснею от стыда, понимая, что моя мать действительно могла это сделать, тем более я слышала, как ей их предлагали.

– Я ничего не брала! – заявляю, чувствуя, как отвратительно оправдываться перед любимым человеком, особенно если знаешь, что в совершенном нет твоей вины.

– Почему ты тогда исчезла?

– Я сделала это ради тебя. Я не хотела, чтобы Егор совершил что-то подобное.

Он смотрит на меня так, словно слышит впервые.

– Что?

От воспоминаний того пережитого ужаса передергивает.

– Егор угрожал, что если я не уеду... Последствия могут быть еще хуже.

Пару секунд молчит, а потом выплевывает с обидой:

– А я предпочел бы сдохнуть, но рядом с тобой, а не переживать тот ад!

Вскидываю подбородок.

– А я снова бы уехала, лишь бы ты жил и исполнил свою мечту стать лучшим хирургом, а не погиб от рук ненормального брата!

Рассерженно смотрим друг на друга, каждый убежденный в своей правоте.

– Почему ты не пришла поговорить со мной? Разве нельзя было хотя бы все объяснить? – глухо спрашивает парень.

Утираю слезы со щек, убежавшие от переполняющих меня эмоций.

– В больницу не пускали. Я хотела попасть нелегально, но встретила твою маму, и она сказала, что если я решила уехать, то не надо идти к тебе, что ты меня непустишь.

Вижу, как каменеет лицо Матвея.

– И ты ее послушала?

– Да, но я попросила передать тебе записку.

Он таращится на меня.

– Записку?

Киваю.

– У меня не нашлось бумаги, и я написала на билете, что был на Алые паруса, там, где отыскиала место.

Перед глазами всплывает этот момент. Торопясь, вожу ручкой по скользкой поверхности, на которой она никак не хочет писать, сжимая эмоции до минимума, чтобы поместилось.

– Прости меня. Я уезжаю, чтобы сохранить тебе жизнь, – шепчу слова, что отпечатались в моей памяти.

Матвей быстро моргает, чтобы прогнать слезы.

Таращусь на него и чувствую, как все холодеет внутри от нехорошего предчувствия.

– Я не получил ее, – хрипло выдает парень, подтверждая мои страхи.

Мы зависаем в глаза друг друга, с ужасом осознавая, что безжалостные люди и сложившиеся обстоятельства сыграли с нами злую шутку, которая украла шесть наших лет.

Шесть лет возможного счастья!

Шесть лет незабываемых мгновений и даже ссор...

Наших ссор!

Я первая не выдерживаю, подрываюсь и стартую к парню. Мне сейчас просто жизненно необходимо почувствовать его, вдохнуть успокаивающий родной запах.

Льну к груди Матвея и реву. Оглушительная новость про-

рвала эмоции, как нарыв, и они выходят из меня потоками слез.

Он прижимает меня к себе, утыкается носом в мои волосы, и мы стоим, оплакивая невозвратное прошлое.

Когда слезы, освободив мозг от отрицательных эмоций и сняв острое психологическое напряжение, «заканчиваются», поднимаю глаза и всматриваюсь в лицо парня.

Ему все еще очень плохо. Нет, я тоже еще переживаю, и особенно потому, что оказалась наивной душой, которая повелась, но Матвей...

Таким я видела его только тогда, когда он узнал правду о Егоре.

Поднимаю руку, касаюсь щеки парня, словно лаской могу снять часть его боли. Он целует мою ладонь, находит мои глаза и просит:

– Ань, можно я вызову тебе такси? Мне надо побыть одному.

Отрываться от Матвея не хочется, я уже выросла в него и знаю: процесс отсоединения будет болезненным.

Это как однажды в детстве, зимой, когда мой язык примерз к металлу перил, и я понимала: будет больно, а еще то, что другого выхода нет.

Послушно киваю и медленно, чтобы не было так же больно, отстраняюсь: грудь, живот, руки...

– Я доеду сама, – сообщаю ему, отойдя пару шагов в сторону.

Он опять пытается сфокусировать на мне свой отсутствующий взгляд и, догнав мой ответ, мотает головой.

– Нет.

Молча идем в коридор. Молча одеваюсь и, прежде чем уйти, чувствуя охватившее пугающее беспокойство, кидаюсь обратно в его объятия.

Матвей прижимает меня к себе, и я слышу, как сумасшедше бьется его сердце.

– Я приеду к тебе, как смогу. Напиши свой телефон и адрес.

Киваю и по новой отдираю себя от парня.

Не найдя, на чем писать, вывожу свои контакты на висящем на стене календаре, и больше, не смотря на него, выхожу за дверь.

Уже на заднем диване машины, зависнув на мелькающей картинке в окне, вылавливаю в себе странное ощущение. Я вроде разобралась в причинах неадекватного поведения парня, мы выясняли детали прошлого, разлучившего нас, но беспокойство в груди продолжает свербить.

«Когда Матвею было плохо, я чувствовала то же самое», – пытаюсь успокоить себя. – «Теперь у нас обязательно все будет хорошо. Главное, чтобы Егор ничего не знал о нас»

11 глава. Боль

Сплю отвратительно, а виной тому заботливый блогер, вернее, информация, которую он мне любезно предоставил, чтобы на выходных я издергался, не имея возможности выяснить правду.

А еще Лана, с которой, по ее мнению, я чересчур мало общался на неделе, едва открыл глаза, вынесла мозг.

Поднимаюсь с кровати, чувствуя себя разбитым и вымотанным прямо с утра. Отправляюсь в душ, думая, что вчера надо было раздобыть телефон Ани, чтобы договориться о встрече и не изводить себя, а еще о том, как мне не хватает спортзала и в частности груши, чтобы выпускать лишнюю энергию, скопившуюся в организме.

Вода бодрит.

Чувствую себя лучше.

Смотрю на свою физиономию в обтекающих кусочках запотевшего зеркала, беру расческу и слышу звонок в дверь.

Если телепортация была бы реальной, точно подумал бы, что это Лана. Решила сказать мне в глаза, что я забыл ее, как только уехал в другой город.

В непонятках иду к двери, открываю и прирастаю к полу. Желания сбываются?!

Так реально бывает?

Я хотел увидеть Аню, чтобы иметь возможность погово-

ритель и вот она стоит, таращась на меня, и не может вымолвить ни слова. Я, правда, тоже немного сомневаясь в том, что это галлюцинация, ошарашенно скользя по ее фигуре: стройные ноги в джинсах, длинная куртка...

Останавливаюсь на лице, которое когда-то знал досконально, и всматриваюсь, ища отличия. Сейчас без косметики, с растерянным взглядом ко мне словно вернулась моя Аня из прошлого.

Эй, очнись!

Эта девушка предпочла отношениям с тобой денежную сумму!

И вообще, была ли когда-нибудь твоя Аня?!

Тот, кто любит, так не поступает!

Мысли отрезвляют, и я спрашиваю:

– Что ты здесь делаешь?

– Можно войти? – бормочет она, и я, отодвигаясь в сторону, пропускаю девушку.

Мне самому нужно задать ей пару вопросов. Так что я не возражаю ее вторжению.

Аня проходит так рядом, что улавливаю запах шампуня, который всегда кружил голову и заставлял организм реагировать.

Пытаюсь отвлечься и смотрю, как она снимает кроссовки, куртку и становится тонкой и изящной, как одна из фарфоровых статуэток из коллекции матери, что с детства манили меня.

Неожиданно девушка поднимает глаза, и мы проникаем друг в друга взглядами.

Как такое возможно?!

Не знаю.

Только она умеет забираться под кожу, нырять в мою душу вот так, едва лишь взглянув.

Что это: волшебство, магия или наша гребаная химия, которая не отпускает даже по прошествии стольких лет?

Никто не ответит на этот вопрос, но это факт, с которым приходится считаться!

Возникает острое желание пойти на поводу своих хотелок, прижать ее к себе и потушить пламя, в котором мы оба сгораем.

Вот только знаю, после пожалею об этом.

Я точно. Мне надо избавляться от необъяснимой власти Ани над собой, а не покоряться ей.

– Проходи! – выдыхаю, чтобы скорее прогнать наваждение.

Проходит, а я все никак не могу отпустить и провожаю взглядом хрупкую фигуру девушки.

В комнате бардак. Я совсем не ждал гостей, да и не было времени разобрать вещи на неделе.

Она крутит головой и, наконец, садиться на край дивана.

Я останавливаюсь напротив и жду.

Нет, конечно, можно было бы самому начать задавать глобальные вопросы, но мне интересно, ради чего она приехала

в свой выходной, каким-то образом раздобыв этот адрес.

– Матвей, давай будем друзьями. Нас же много связывает, – бормочет она, нервно сжимая пальцы.

Хочется сразу выплюнуть «нет», но я сдерживаю себя, хмурюсь и отвечаю:

– Друзьями вряд ли.

– Почему?

Губы сами собой кривятся.

Потому что друзьям доверяют, а ты утратила доверие.

Навсегда!

А еще разве сама не чувствуешь, как нас коротит друг от друга?!

Секс по дружбе – не наш вариант.

Нам лучше держаться на безопасном расстоянии!

Неожиданно она произносит вопрос, который вводит в ступор, потому что даже я сам не задавал его себе:

– Ты счастлив?

Не знаю ответ на него и не желаю знать.

– Я добился всего, чего хотел.

– Ты счастлив? – повторяет девушка, не отпуская меня взглядом и словно пытаюсь понять то, что даже я сам не осознаю.

Всплывают картинки из прошлого...

Я, подыхая от боли и отчаянья, лежу на том долбанном диване в берлоге, на котором мы провели несколько ночей, а подушка рядом все еще сохраняла ее запах...

Я сижу за столом перед учебником и не могу ничего запомнить. Опускаются руки от депрессии, из которой не получается выбраться...

Первый секс с другой, лица которой я даже не помню, иллюзия жизни, Лана, разорвавшая череду хаоса и разврата...

– Если ты имеешь в виду, отошел ли я от факта, что меня предали? – вместо ответа жестко спрашиваю я. – Не совсем, но оклемался.

Девчонка ежится, обнимает себя руками, и я вспоминаю о словах «друга», в то время, когда я пытался вернуться к жизни, она делала то же самое.

Как-то одно с другим не сходится.

Почему?

Это же был ее выбор!

Аня бросила меня, а не я ее.

– Предали? – шепчет она убийственное слово, словно не зная его значения.

Да. Предали!

Никому не пожелаю ощутить, что это такое.

Убивающее состояние.

Смотрю на девушку обвиняющим взглядом, но в ее глазах нет ни сожаления, ни мольбы о прощении. Аня растерянно хлопает ресницами, не понимая моих эмоций.

Как ни странно, ее хочется не обвинять, а прижать к себе.

Еле сдерживая порыв, выдыхаю вопрос, который мучает меня до сих пор:

– Почему ты меня бросила?

Она не отвечает и отворачивается, и вся боль и горечь снова всплывают во мне, как непотопляемый буюк.

– Вот видишь, даже объяснить не можешь.

Теперь девушка пронзительно таранит меня взглядом, пытаюсь что-то сказать, но я разучился читать мысли по глазам, а может, и не умел и обманывал себя, потому что та, которую я любил, никогда бы не смогла взять деньги и уехать, оставив меня подыхать от боли.

– До сих пор не в состоянии принять, что ты согласилась променять наши чувства на деньги, – произношу мысли в слух, чувствуя, как опять увязаю в болоте воспоминаний.

– Что?! Как это променять?

Она находит мой взгляд и пытается найти ответы в нем.

– Буквально. Взять деньги и бросить меня, – медленно выдаю я.

– Какие деньги?! Я не брала деньги! – возмущается Аня.

Это выглядит так искренне, так правдоподобно, что я теряюсь.

– Хочешь сказать, что Ольга Константиновна врет? А как же расписка, подписанная твоей матерью?

Краснеет. Ну да, конечно, думала я не узнаю.

Просчиталась.

Слишком плохо знаешь мою мать. Она стала трясущим фактом, едва я оклемался.

– Я ничего не брала! – чеканит девушка каждое слово,

словно желая, чтобы до меня дошло.

– Почему ты тогда исчезла?

– Я сделала это ради тебя. Я не хотела, чтобы Егор совершил что-то подобное.

Мрачнею. История с Егором – тайна, покрытая мраком. Придя в себя, я смутно помнил о произошедшем. В голове осталась смазанная картинка: я оборачиваюсь к Ане и чувствую боль, и она никак не вязалась с тем, что мне заявила мать и что подтвердил голос моей девушки на аудиозаписи...

– Что?

Она меняется в лице, словно снова пропустила через себя то, что произошло шесть лет назад.

– Егор угрожал, что если я не уеду... Последствия могут быть еще хуже.

До меня начинают доходить причины ее поступка, но, черт возьми, они ни фиги не успокаивают и не радуют.

Это гребаное благородство мне нисколько было не нужно!

– А я предпочел бы сдохнуть, но рядом с тобой, а не переживать тот ад! – выплевываю с претензией, поскольку не согласен с ее решением, принятым за моей спиной.

Я не был маленьким мальчиком, нуждающимся в защите! Я мог защитить нас сам, а произошедшее несчастье было всего лишь стечением обстоятельств.

Аня упрямо вскидывает подбородок, готовая отстаивать занятую позицию.

– А я снова бы уехала, лишь бы ты жил и исполнил свою мечту стать лучшим хирургом, а не погиб от рук ненормального брата!

Обида и злость встают между нами, не давая принять произошедшее, но я так устал жить с этими чувствами, они истощили меня.

Первый отвожу взгляд и спрашиваю девушку, пытаюсь понять последний, не укладывающийся в голове фрагмент прошлого:

– Почему ты не пришла поговорить со мной? Разве нельзя было хотя бы все объяснить?

Стирает слезы и начинает тараторить:

– В больницу не пускали. Я хотела попасть нелегально, но встретила твою маму, и она сказала, что если я решила уехать, то не надо идти к тебе, что ты меня непустишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.